

Вперед – на линию огня...

> Серго Орджоникидзе лично интересовался сборкой первого экскаватора рудника горы Магнитной

НЕЗАДОЛГО до кончины поэт Александр Павлов передал мне несколько тонких школьных тетрадок – воспоминания ныне покойного ветерана рудника Сергея Григорьевича Голушкова.

И мне захотелось рассказать о нем и жизни рудника начала 30–40-х годов.

В августе 1917 года в газете «Оренбургское земское дело» сообщалось о продаже месторождения железных руд горы Магнитной правлением общества Белорецких заводчиков Пашковых. Они вели переговоры с группой японских промышленников о передаче железной горы за двадцать пять миллионов рублей золотом. Октябрьские события спутали планы уральских заводчиков.

В апреле 1929 года XVI конференция РКП (б) в своем решении записала: «На базе железных руд горы Магнитной и сибирских каменных углей начать строительство Урало-Кузнецкого комбината». В июне начались горные работы ручным способом на руднике Ежовка – вершины Магнитной. 17 августа отсюда отправили рудный эшелон из сорока платформ уральским заводам. Это стало своеобразной репетицией освоения большой руды горы Магнитной.

Из воспоминаний Голушкова: «Мне было семнадцать лет, когда я прибыл на стройку у горы Магнитной. Ехала, в основном, сельская молодежь. На остановках высыпали из вагонов, пели, шутили, танцевали. Могло сложиться впечатление, что едут артисты художественной самодеятельности, а не рабочие на стройку. Добирались до Магнитной больше трех суток. Нас встречал вагон с надписью «Станция города Магнитогорская», а вокруг – травы с бурьяном...

Начались земляные работы на благо будущего комбината: возвышались кучи разгруженного леса, доски, кругляк. Прокладывались железнодорожные пути к будущим цехам. Там, где должен был возводиться комбинат, – заросшее болото с мелким кустарником талов и высокой травой. Я пошел работать на буровые станки рудника, оформился чернорабочим с окладом семьдесят рублей в месяц.

Возле горы Магнитной стояли два каменных барака, предназначенные семейным рабочим. Основное жилье – палаточное. В палатках жили по восемь человек, вместо коврика – деревянные топчаны, наволочки и матрасовки, набитые соломой, тоненькие суконные одеяльца, продуваемые всеми ветрами. В центре – железная печка «буржуйка» или саламандра.

Кое-как решив бытовые проблемы, через два дня мы приступили к работе. А зимы тогда стояли снежные и лютые: обмотки примерзали к лаптям».

15 мая 1931 года состоялось официальное открытие рудника горы Магнитной. После торжественного митинга вручную приступили к погрузке руды на железнодорожные платформы. Участник тех событий Сергей Голушков вспоминал: «На

каждую платформу приладили трап с поручнями. И по этим мосткам носили руду. Тяжело. Но мы молодые ведь были, с охоткой работали, туда-сюда с носилками быстро бежали». Вагоны загружали двое суток. Состав с рудой торжественно проводили на старые уральские заводы.

Постепенно стала прибывать техника из Германии, Италии и США. Горное управление получило четыре экскаватора и четыре буровых станка. Первыми прибыли два буровых станка фирмы «Кейстон». Они были самоходными, на металлических колесах со спицами, с подвеской бурового снаряда на пеньковом канате. Единственное достоинство бурстанков – двигатель внутреннего сгорания. После монтажа оборудования выяснили, что отсутствуют направляющие буровых снарядов, необходимые для забуривания скважины. Предположили – потеряны в пути. Но оказалось, что фирма просто их ... не предусмотрела.

Экскаватор фирмы «Бьюсай-Рус» начальник экскаваторного цеха Алексей Игнатов, механик Евдоким Галигин и старший электрик Артем Соловей собирали впервые. Некоторые узлы техники весили несколько десятков тонн. Массивные треноги, домкраты, тяжелые тали и растяжки помогли монтировать оборудование. Запустили мотор первой машины, и он сразу сгорел. За ним и второй постигла та же участь. Третий собирать не рискнули.

Прибывший нарком тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе запросил гарантии А. Игнатова, что технология сборки проведена правильно. Иначе представителем иностранной фирмы придется платить за экспертизу крупную неустойку золотом. Когда

гарантии были даны, пригласили американских инженеров. Они десять дней проводили проверку собранной техники, придя к выводу, что технология соблюдена правильно и экскаватор работает нормально. «Проектаменовав» сгоревшие моторы, пришли к заключению, что моторы «полетели» по вине американской фирмы и за неустойку выслали руднику четыре главных запасных части. Орджоникидзе премировал Алексея Игнатова легкой автомашиной.

Через три месяца после официального пуска рудника машинист Илья Астахин привел на Атач в забой первого мощного экскаватора. И пошла большая руда Магнитки...

О квалификации и грамотности горняков начала тридцатых годов говорить не приходилось. ИТР с высшим и средним образованием на руднике практически не было. Начальники смен экскаваторного и бурового участков имели за плечами лишь начальную школу. Но они уже считались опытными наставниками, как их тогда называли – практиками. Поэтому открываются курсы по ликвидации безграмотности (ликбезы), которые иногда вели учителя с начальным образованием. Сюда охотно шли хотя бы научиться расписываться в ведомости при получении заработной платы. Это был большой стимул для учебы.

Новая техника и изменившаяся технология производства требовали квалифицированных рабочих – машинистов экскаваторов и буровых станков, рабочих железнодорожных путей, руководителей участков, специалистов по ремонту оборудова-

ния. На руднике появились курсы, занимавшиеся подготовкой кадров – их никто не пропускал: все были заинтересованы в получении новой квалификации.

После смены и курсов семейные рабочие возводили себе жилье – землянки. Ими была усыпана вся Ежовка: тянулись в два-три ряда от горы Атач до нынешних трамвайных путей. На Туковом, вдоль Башника, – несколько тысяч таких землянок. Это временное жилье в народе окрестили Шанхаем: Ежовка – Шанхай, Туково – Шанхай, 5-й участок – Шанхай...

За ходом строительства внимательно следил нарком тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе, бывавший и на руднике.

Сергей Голушков, тогда буровой мастер, вспоминал: «Его я встретил в 1933 году, когда нарком проходил по участкам горы Магнитной, «горизонтам». Устанавливал буровой станок близко к кромке уступа. Нарком уточнил, не опасно ли? Уверенно отвечаю, на каких породах так можно устанавливать. «Значит, помощь иностранных специалистов не нужна?» – спрашивает. Заверяю, что сами справляемся. Похвалил он меня. Тогда я увидел в нем не члена правительства, а обыкновенного деревенского мужика, среднего роста в скромной одежде, простого в разговоре. Второй раз он уже приветствовал меня как старого знакомого, расспрашивал о жите-бытье».

В 1935 году шахтеры Донбасса выдали на-гора рекордное количество угля. По всей стране стало шириться стахановское движение. Включился в него и коллектив рудника. В числе первых передовиков

производства – машинист экскаватора В. Хазимов, погрузивший за смену 120 вагонов-думпкаров горной массы. «Держали марку» буровики А. Литвинов, Е. Тарасов, В. Евсеев, Ф. Ткаченко. Секрет рекордов объяснялся просто – сверхурочная работа.

Сергей Голушков рассказывал: «Считалось, во время пересменки в ночь никто не работал. Находились «забывшие» о времени с четырех вечера до четырех утра. Приходили ко мне отмечаться и шутили ссылались на отсутствие наручных часов, мол, увлеклись. Об этом на участке, конечно, знали, но не запретишь же повысить производительность труда...»

В годы Великой Отечественной войны Голушков работал начальником смены бурового участка, руководил комсомольцами смены рудника. Он вспоминал: «Это было тяжелое время: в первую очередь обеспечить домы и мартены сырьем – железной рудой. Вот и давали его комбинату, Кузнецку, Нижнему Тагилу. Работать приходилось без выходных».

Приходили новобранцы из ФЗО – ребяташки, эвакуированные из оккупированных областей, оторванные от матерей и отцов. Таких ребят в смене – двадцать пять человек. Я был им и нянькой, и мамкой. Рано утром приходил в общежитие, будил, чинил износившуюся обувь, штопал спецовку. А у них на уме одно: вдоволь покушать. Работники полагались килограмм хлеба, но они его «сметали» за один присест. Убеждал ребят делить хлеб на три части, так как в столовой горячий бульончик – одна вода.

Был у меня помощником Миша Осмирко, лет шестнадцати, худой, словно светится. Смотрю – день не ест ничего мой Миша, другой, третий. Спрашиваю, в чем дело. Заплакал – слова не может выговорить: хлебную карточку отоварил на три дня вперед. Я забрал у него карточку, стал выдавать талоны ежедневно. Мои подопечные, полуголодные, выходили на смену и работали как надо. На своих детей просто не хватало времени: их обмывала и обшивала жена, Мария Семеновна.

И все-таки моя смена всегда шла вперед, выполняла план на 105 – 115 процентов...»

Смыслом и девизом работы Сергея Григорьевича Голушкова, коммуниста-наставника, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, стало категоричное: «Не хныкать!» Он прошел трудовой путь от чернорабочего до заместителя начальника бурового участка рудника.

В послевоенное время и с выходом на пенсию постоянно находился в гуще общественной жизни: был депутатом районного Совета, членом партийного бюро и цехового комитета, заведовал агитационным пунктом, был старшим инспектором по технике безопасности, председателем огородной комиссии рудника.

Незадолго до кончины Сергей Григорьевич Голушков трудился на приемке продукции обувной фабрики, где его и сегодня вспоминают добрым словом ☺

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
Краснодар

> Премия Алексею Игнатову от наркома тяжелой промышленности СССР – легковая автомашина